

Наталья Тимофеева
Эхо моей судьбы

стихи, песни, романсы, пародии

Наталья Тимофеева

Эхо моей судьбы

«Издательские решения»

Тимофеева Н. В.

Эхо моей судьбы / Н. В. Тимофеева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-04-005765-8

Книга «Эхо моей судьбы» — открытие нового мира, новой Родины для автора, начавшего жизнь практически с нуля в чужой стране. Жизнь в одиночестве — это Божий дар, который под силу не каждому. Сажая сад, автор имеет много времени для раздумий о судьбах мира. В этой книге делится своими мыслями.

ISBN 978-5-04-005765-8

© Тимофеева Н. В.
© Издательские решения

Содержание

«Огонь то гас, то разгорался...»	6
«Звезда горит над тьмою мгlistой...»	7
«Как старый фавн, блажит февраль...»	8
«Эхо судьбы моей, долгое и заводное...»	9
«Затерянность, сиротство, невозвратность...»	10
Зеленоглазая река	12
«А вчера разразилась буря...»	13
«В аллеях лиственниц заснеженных...»	14
«Без исповеди с причастием...»	15
«Стеклоинно иней сыплется с ветвей...»	16
«Мои стихи, как рыбы в океане...»	17
«Нет волшебных чар у февраля...»	18
«Над селеньем плывут ароматы цветенья...»	19
«Какое пиршество оттенков...»	20
«Объял туман лощины и поляны...»	21
Осенняя песня	22
Всё было только сон	23
Песня боли	24
Песня памяти	25
«Я летаю во сне и кульбиты мои невесомы...»	26
«Прощай, любовь! Тебе не удалось...»	27
«То молил, то срывался на крик...»	28
«Подгулявшее эхо речные обходит холмы...»	29
Цикл Ильин день	30
«А я-то думала вчера, что больше снега не увижу!»	33
«Гром катает камни за пригорком...»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Эхо моей судьбы стихи, песни, романсы, пародии Наталья Тимофеева

© Наталья Тимофеева, 2016

© Наталья Тимофеева, фотографии, 2016

Редактор Наталья Тимофеева

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Огонь то гас, то разгорался...»

Огонь то гас, то разгорался,
Глотая жухлую листву,
А вдоль забора вечер крался
И ветра трогал тетиву.

Под шорох звёздной канители
И запах почек налитых,
Ночные птицы тихо пели
О наших радостях земных...

Весна скользила в платье белом
С воздушным током вдоль дорог,
Река по камушкам звенела,
И оживал в деревьях сок,

И было так тепло и ленно
В граале кратера Балкан,
Что кровь вином бродила в венах,
И без вина был сумрак пьян.

И не мечталось, не грустилось,
Не вспоминалось невпопад,
Лишь тень минувшего густилась,
Дымами овевая сад.

«Звезда горит над тьмою мглистой...»

Звезда горит над тьмою мглистой,
В колодце мира тишина.
Молитва к матери Пречистой
В дыханье вечера слышна.

В весеннем юном откровенье
Распахнут замерший простор.
Застыло вечности мгновенье
В кольце величественных гор.

И, словно в мягкой колыбели,
Земля лежит в ладонях сна.
Ей нежным ветром-менестрелем
Благая весть принесена:

Назавтра сгинет морок зимний,
Синичья даль загомонит,
И синевой гостеприимной
Её красоты осенит.

Взойдут, белея, первоцветы
На изумрудных берегах,
И даль, в цветение одета,
Тот час забудет о снегах.

«Как старый фавн, блажит февраль...»

Как старый фавн, блажит февраль,
Перебирая ветра струны.
Завязтый пьяница и враль,
Он чертит на заборах руны
То снегопадом, то дождём.
Раскосо щурясь на рассвете,
До нитки раздеваясь днём,
Он винограда студит плети.
Встречая аиста полёт,
Он навзничь валится на траву
И пчёлам прошлогодний мёд
Подносит на леток. Суставы
Корявых веток вкривь и вкось
Жестикулируют, судача
О том, что в мире повелось
Жить февралю, блажа до плача...

«Эхо судьбы моей, долгое и заводное...»

Эхо судьбы моей, долгое и заводное,
Словно орган, с перебором звучит вдалеке.
Тени прошедшего ум бережат, беспокоя
И не давая сегодня прожить налегке.

Блудная дочь, хлопочу и ни в чём не нуждаюсь.
Лучше не так, – барахла я копить не хочу...
Снова на маленьких саженцах трогаю завязь,
Ласково с ними беседуя, жизни учу.

Пасынки режу, жалея до боли сердечной
Веточки тонкие, их отделив от ствола...
Всё не случайно и, может быть к счастью, не вечно,
Я тоже пасынком Родины прежде была.

Смерть очень сильно старалась, но вслед не успела
Бросить последние в спину «прощай» и «прости».
Мёртвой водой заживила я грешное тело,
Сердце – живой окропила, и страх отпустил.

Ангеле чистый мой, ангеле добрый и святой,
Будь за плечом, не остави мой здешний приют.
Я позабуду со временем ад мой. Когда-то
Нас с тобой трубы небесные ввысь призовут.

Чувствуя крыльев твоих белоснежных опору,
Жду я прощенья пред небом, души не тая.
Боже, терновый венец Твой пришёлся мне впору.
Спасе, спасибо Тебе, – на всё воля Твоя!

«Затерянность, сиротство, невозвратность...»

Затерянность, сиротство, невозвратность...
Под этой тусклой белой пеленой
Теряет эхо звончатую кратность,
Крадясь и тихо шаркая за мной.

Есть у него особые привычки —
На каждый закоулок по одной.
Случись, оно на чёртовы кулички
Потащится хромулей записной.

Идём, идём, чего уж там, негоже
От эха отпираться своего,
Я чьим-то эхом состоялась тоже,
А из меня-то эхо — ого-го!

Я в молодую так звучала бытность,
Что улиц тесен мне казался крен.
И отражала всей собою слитность
Родных просторов и домашних стен.

Мне говорили — цельная натура!
Походка — ветер, неприступен взор,
А голос — в нём слышна колоратура
Ручья, что водопадом льётся с гор...

Прошли года, куда-то всё девалось,
Черты мои смягчились, голос тих,
От прежней, той, не многое осталось,
А что осталось, делим на двоих...

Но знаю я, тебе со мной не скучно,
Иначе б ты за мною не кралось.
Сегодня мы с тобою неразлучны,
А завтра, может, разойдёмся врозь.

Я заленюсь и стану чай с корицей,
На звёзды глядя, пить и колдовать,
Чтоб молодой кому-нибудь присниться,
И звонким эхом прозвучать опять.

Чего стоишь, шагай же, недалече
Брести с тобою нам сегодня в ночь.
Фонарные покачивают свечи
Туман белёсый, что кружить охоч

В предгорьях сонных. Млечная дорога
Над нами эхом музыки земной
Тревожит твердь и дремлющего Бога,
От нас укрытых белой пеленой...

Зеленоглазая река

Акварельные горы на утреннем небе размыты,
Их волнистые линии еле наметил туман...
И петляет река серебристой змеей деловито
Меж холмистых равнин, чей убор золотист и багрян.

Холодна и подвижна, несёт со скалистых уступов
Свой небесный поток, в нём осенние листья кружа,
Словно пряжу прядёт облаков, отражения спутав
Ив, самшита и граба, прозрачна, чиста и свежа.

Ах, красавица Янтра, земное творенье святое,
Ты струишься, бежишь, унося за туманы печаль...
Зелены твои очи, а солнца вино золотое
Под напев твой качает у дна золотую кефаль...

«А вчера разразилась буря...»

А вчера разразилась буря,
Ветер окна пытался выбить,
Он трепал на дворе осоку,
Он пускался бездумно вскачь
И со всей молодецкой дури
Принимался орехи сыпать,
Заходя по-над склоном сбоку,
Разводя по округе плач.

Он нагнал на меня отваги
Передумать про всё, что было,
Он поплакал дождём немного
Из подбитых закатом туч...
А камин без хорошей тяги
Ел огонь не в пример уныло,
И тянуло из-под порога
Пряной свежестью с горных круч.

«В аллеях лиственниц заснеженных...»

В аллеях лиственниц заснеженных,
Где все тропинки замело,
Я грежу о краях отверженных,
Где воздух ломок, как стекло.

Я грежу о нездешней вольнице,
Сиянье радуг ледяных,
О необъятной светлой горнице —
Просторах гулких и пустых.

Там, средь бескрайнего безмолвия,
Где лишь торосы, да пурга,
Ветра подобно белым молниям
Втыкают в синие стога

Свои трезубцы закалённые
И дышат нежностью земной,
И вновь летят, неуголённые,
На свой невиданный разбой.

А здесь всё тише, бесхребетнее,
Бескровней, вялостней, теплей,
И я сама всё безответнее,
А путь мой глуше и темней.

Где абсолют – наперсник холода,
Алмаза крепость – силы грань,
Не может сердце быть расколото,
Как пустотой его ни рань.

Моё дыхание у вечности —
Один воздушный пузырьёк,
Что меж землёй и небом мечется
И так от Севера далёк...

«Без исповеди с причастием...»

Без исповеди с причастием
Два года копчу окрестности.
Цветы поливаю с тщанием,
Не принятым в этой местности.

Здесь больше всё куры с козами,
Да огурцы над тыквами,
А я засадила розами,
Да пальмами двор утыкала.

Лоза моя вся усатая,
Ни дать и ни взять – красавица.
А юго-восток пассатами
Здесь очень своими славится.

Дожди мою крышу вымыли
Кислотами с радиацией,
Но в целом, неплохо приняли
Вальяжность мою с прострацией.

Живу-не тужу, чужбиною
Не мне тяготиться в старости,
Одной своей половиною
Оставшейся в давней давности.

Ну, что вы опять заладили
Про север и тьму могильную,
Когда я тоску отвадила
Под дробь грозы семимильную!

Не вспомню, когда я плакала,
Смотря на графин с наливкою...
И тайными зрели знаками
В салате сыры с оливками.

«Стеклянно иней сыплется с ветвей...»

Стеклянно иней сыплется с ветвей
Декабрьским утром, тает и дробится.
Упав на рёбра острые камней,
Он с них стекает чистою водицей.

Играет свет, мерцая вразнобой
Лучами льда брильянтовой огранки...
А дым свивает кольца над трубой,
И так приятно думать спозаранку

О том, что в этой гулкой тишине,
Среди зимы неправдашной и мглистой
Ничто не может сердце ранить мне.
Душа, в тиши купаясь студенистой,

Слилась с её покоем наливным
В скалистых гор укромной поллой чаше,
Что стала мне прибежищем родным,
Всех дальних далее радостней и краше.

И что теперь грустить о прежних днях,
Где не было просвета и надежды?
В ладони лёд истаял, а в горах
Открыло солнце плазменные вежды...

«Мои стихи, как рыбы в океане...»

Мои стихи, как рыбы в океане,
В моих глубинах ходят косяком.
А я лежу у печки на диване,
И голова с ногами – босиком.
Мои стихи словами серебрятся
И плавниками колются в ночи,
А я ловлю напев аллитераций
И слушаю, как он во мне звучит.
Сопряжена с рассветом и закатом,
Я просто грежу и во сне живу,
Забыв, кем я была в миру когда-то, —
Со всеми вместе спящей наяву.
Зачем мне память – злобное отродье,
Что ковыряет сердце день деньской?
Мои стихи придут на мелководе
Периферии духа на постой.
Они очистят грешный эпителий,
Его снимая с ветреной души,
В которой снова ангелы запели
И стали чувств остатки ворошить.
На острие пространства векового,
Где мне с тобой никак не разойтись,
Будь ярче света, праведное слово!
Хранитель мой, и ты со мной молись!
Когда б во мне осилилось бывшее,
И стал мой взор провидчески терпим,
Мне б вознести свой глас у аналая
И встать почти безгрешной перед ним!
Но нет пути назад в своё рождение,
Где был лишь малый первородный стыд...
Опять, увы, пишу стихотворенье,
А сон мой грешный разум сторожит.
И плещут рыбы блёсткими хвостами
И раздувают жабры, как меха,
И я лечу проклятыми верстами
Неясных грёз на поиски греха.

«Нет волшебных чар у февраля...»

Нет волшебных чар у февраля,
Он бесплоден, этот злой колодник.
Спят под спудом холода поля,
Только ветер – севера угодник
Мчит, сминая воздух, и кнутом
Хлещет ледяным повдоль дороги,
А над ней снега летят гуртом,
Засыпая чёрные облоги.
Кое-где лоснятся зелены
На озябшем выстуженном взгорке,
Колокольцем бронзовым звеня,
Конь с телегой, да кобель на сворке
Потащились ветру супротив
За цыганом в псивом полушубке.
Он какой-то скачущий мотив
Напевал, цыганка, дуя губки,
На телеге ехала, чинясь,
Будто королевична в карете,
На себя примерив ипостась
Самой гордой женщины на свете.
Вот они вписались в поворот
И из глаз исчезли, только звуки
У моих оставили ворот.
А февраль студил мне лоб и руки,
Да полы завёртывал пальто,
Осыпая белым снегом плечи,
И на целой улице никто
Не спешил ему и мне навстречу...

«Над селеньем плывут ароматы цветенья...»

Над селеньем плывут ароматы цветенья,
Пчелий радостный гул, соловьиная трель...
У весны есть свои непростые знаменья,
Их в эмалевом небе выводит апрель.

Так давно это было – беспечная юность
И любовь без оглядки, и ропот, и страсть,
Как же быстро на смену им годы сутулость
С хромотой мне подсунули, словно смеясь.

Нет, пока ещё гордо несу я по свету
Свой стареющий облик, но дома, в тиши
Я снимаю с себя всё величие это,
Тело – только сосуд для бессмертной души.

А душа, как была, так осталась нетленна.
Каждый звук этой шири впитав, каждый миг,
Без оглядки живёт на больное колено,
Чутко слушая птичий залиvistый крик.

А душа, воспарив над весенним раздольем,
Расправляет над ним два окрепших крыла,
Озирая цветенья хмельное застолье,
Где когда-то не гостьей, хозяйкой слыла...

«Какое пиршество оттенков...»

Какое пиршество оттенков
Сегодня видится с утра:
Восхода розовая пенка,
Под ним лиловая гора,
С горы сползают языками
Белее белого снега,
Холмы оранжевыми лбами
Сжимают речки берега.
Зеленоглазая ворчунья
Бежит, сверкая, смотрит ввысь,
Где тонкий серпик новолунья
Как раз над омутом повис.
Он серебрится мягким светом,
Бледнея, тает в небесах
Ночным рассеянным приветом,
Как эхо тихое в горах.
Средь жухлых трав сияет зелень
И первоцветы тут и там...
И засквозил февраль апрелем
По чутким, зябнущим садам,
Где ветви тонкие воздушно
Рисуют чёрные штрихи
На мире ленно-равнодушном,
Где спят деревья и стихи.

«Объял туман лощины и поляны...»

Объял туман лощины и поляны,
Молочной мглой наполнил окоём...
Полынной нотой в сладости духмяной
Ты прозвучал в сознании моём.

Что это было, – правда или небыль,
Я до сих пор не в силах распознать,
Но потемнело над горами небо,
И ливень чувств моих струится вспять.

Есть только шаг от страсти к обожанью
И от любви до ненависти – шаг.
Не много стоят все твои признанья,
Коль сам в себе не властен ты никак.

То равнодушно ты смотрел, то жадно
Пытался губ моих найти ответ...
Теперь же мне неловко и досадно
За свой безумный мимолётный бред.

Каприз души, иль просто наважденье?
Твой образ стёрся, словно не бывал...
И лишь остались смутные сомненья, —
Мне Бог иль чёрт любовь мою послал...

Осенняя песня

Кровавая листва неведомых растений
Сползает с кладки стен потоками огня,
И ходят меж домов, обнявшись, наши тени,
Но будь же терпелив и не целуй меня!

Пустынны острова, покинутые летом,
Лишь ветры здесь живут в потоках октября.
Пусть залита земля искристо-винным светом,
Но осень сторожит здесь золото не зря.

Заплачут небеса и вымокнут долины,
И мы, укрывшись тут, забудем обо всём
У жаркого огня в укромной тьме камина,
А осень пусть кропит неласковым дождём.

Кровавая листва неведомых растений
Сползла со старых стен потоками огня.
Давай отпустим в ночь скорее наши тени,
Не думай ни о чём и поцелуй меня!

Всё было только сон

Мне грезится порой волнующе и праздно
Твой беззаботный смех в тумане бытия,
Последнее «прости», и мой призыв напрасно
Пронзает толщу лет и дальние края.

Ты помнишь, плыл рассвет, едва касаясь крыши,
И в капельках росы ломаясь и дрожа...
А ты в который раз, увы, меня не слышал,
И подносил мне яд на кончике ножа...

Расплывчато в душе томилось узнаванье
Ненужных пылких слов, безумных и хмельных.
Не стоили труда тебе твои признанья,
Не мне одной шептал ты не однажды их.

Твой голос был таким насмешливым и властным,
Будя во мне искус, неведомый уму...
Но я в твою любовь поверила напрасно
И сердца своего доселе не пойму.

Всё было только сон и мимолётный морок,
Умчались в пустоту заветные мечты...
Но ты мне, как тогда, необъяснимо дорог,
Хоть сожжены навек из прошлого мосты.

Песня боли

Преисподняя чувства тебе не знакома,
Ты за мной не последовал в эту юдоль.
Сердце гложет печаль, душу точит истома,
Захлестнули сознание горечь и боль.

Что случилось со мной на далёкой чужбине?
Не хотела бы знать я такой новизны.
Буря тяжких сомнений бушует отныне
Так навязчиво-вязко в кругу тишины.

Запрокинется небо горячею синью
Над моей неуёмной седой головой...
Всё мне чудится поле и тропка с полынью,
По которой я снова шагаю домой.

Здесь красиво и мирно, всё дышит покоем,
Ни морозов, ни жалящих щёки ветров,
Но сердца холодны. Мысли кружатся роем,
И грядущего вновь непрогляден покров.

Где-то там, над просторами нищих проплешин,
Над лесами дремучими, еле дыша,
Кружит птицей тяжёлой, чей лик безутешен,
Прогневившая Господа-Бога душа.

И кричит она голосом боли и гнева,
Что любовь её там и покой её там,
Где тягучего слышатся ноты распева,
Где и горе, и радость навек пополам.

Только эхо отвечает скорбному крику.
Может, сплю, наяву не изведав ни мук,
Ни любви этой каторжной, боли великой...
Вот проснусь, и не станет на свете разлук.

Снова что-то не ладится, как несмыканье.
И в горячечном шёпоте прожитых лет
Я никак не расслышу былые признанья,
И чужая сторонка вновь застит весь свет.

Песня памяти

Ветер клонит порывами травы,
Полыхает над полем гроза...
Горше горечи, пуше отравы
Губы мне оросила слеза.

И никто здесь не скажет, откуда
Налетела великая мгла,
На душе появилась остуда,
Как узоры на глади стекла.

А печаль, словно жёрнов на шее,
Хочешь, – в омут, а хочешь, – с горы...
Сердце бьётся всё глуше, ровнее
И совсем не приемлет игры.

Растворилась любовь в междометьях,
В перекрёстных обидах и лжи...
И уже на владычество метит
Ветер, молний вонзились ножи

В горизонт, и распастанно стонет
Под громами, колеблется даль...
И вот-вот над землёю уронит
Ливень свой непочатый грааль.

Под вершинами, крытыми лесом,
Над моею седой головой,
Вновь смеются, куражатся бесы,
И вот-вот совладают со мной.

Пропади же ты пропадом, память,
Не хочу ничего вспоминать.
Душу вновь умудрилась изранить,
Хорошо хоть ещё – не продать!

«Я летаю во сне и кульбиты мои невесомы...»

Я летаю во сне и кульбиты мои невесомы,
Словно груз одиночества выпал сегодня не мне.
Я пронзаю пространство вдали от родимого дома
И сгораю, как бабочка, в звёздном холодном огне.

Это гордость моя стережёт мои сонные очи,
Только смежу – и в путь, в фантастический странный полёт...
Жизнь, как якорь, на цепь мою душу к земному торочит,
До земного охоча, всё мимо и мимо снуёт.

Что ты медлишь, Господь, оболочка моя обветшала,
Небезгрешную плоть, будто кокон, пора разломать.
Я надеюсь, Твоя мне не вечною будет опала,
Лучше Бога никто не умеет любить и прощать.

«Прощай, любовь! Тебе не удалось...»

Прощай, любовь! Тебе не удалось
Открыть своим ключом ворота рая.
Я в сердце не вынашиваю злость,
Но не забуду, даже умирая,
Мучителя, что был со мной суров
И, мой порыв приемля равнодушно,
Презрел мои признания и кров,
И согласился с доводом послушно,
Что так нельзя, но будет всё, как есть,
Что я чужда и времени, и месту,
И я должна, услышав эту весть,
Послушна быть, покорна, неизвестна...
Я – без лица, без имени, без дат,
Без общих дел, но в чутком ожиданье,
И будет мне наградой из наград
Однажды наше тайное свиданье.
Но нет, я в жертвы точно не гожусь.
Скорей забудь меня, как день вчерашний.
Я снова в одиночество вернусь,
С тобой, любовь, мне холодно и страшно.

«То молил, то срывался на крик...»

То молил, то срывался на крик
Голос разума, сердцу не внемля.
Год прошёл, словно крошечный миг,
И весна опустилась на землю.

Вновь цветут по округе луга,
А в садах алых роз полыханье...
Как найти у любви берега,
Где лекарство найти от страданья?

Нынче выйдет на небо луна,
Будет лик её полон и скорбен,
Буду я, как и прежде, одна,
Звёзд затеплится сонм, бесподобен,

Поплывут ароматы в ночи,
Светляки полетят над поляной,
Тишины тихий зов, нарочит,
Вновь меня позовёт полупьяно.

Он закружит, как ветер, вокруг,
Обовьёт меня цепко и властно,
И заставит почуять испуг,
И понять, что любила напрасно.

Там, за далью томительных дней,
Я одна, как и прежде, поныне...
А любви беспредельной моей
Умереть в твоей глупой гордыне.

Не понять мне ни лжи, ни огня,
Что горит, только душу не греет.
Полюбить ты не можешь меня, —
Твое сердце любить не умеет.

Этой правды ужасной полна,
Да ещё высоты недоступной,
Смотрит с неба на землю луна,
Словно идол любви неподкупный.

«Подгулявшее эхо речные обходит холмы...»

Подгулявшее эхо речные обходит холмы,
Белых цапель пугая, в потоке купающих клювы.
Соловьиные звоны вечерние, радостно взмыв,
Растеклись по окрестностям, с эхом поспорить задумав.

И ручья говорливость вплелась органично в закат
Вперемешку с камланием верных природе лягушек.
Лишь деревьев печален обрушенный с кручею ряд
В горевании вещем опущенных в воду макушек...

Вдруг цыганских гармоник неистовый вырвался бред
Из каких-то глубин, из земного пропащего быта
И разладил звучащий в душе моей дивертисмент,
И закапал дождём сквозь небесные мелкие сита...

Цикл Ильин день

Плывёт рассвет в нежнейшей тишине
По млечному лесному окоёму,
Быть может, кто-то вспомнит обо мне
Под колокольный отзвук невесомый.
Летит, струясь, малиновая весть,
И зреет плод, и птичье пенье глуше...
В аллеях сна одна загадка есть,
Волнующая вызревшую душу.
Я возвращаюсь в мир забытых грёз,
Там время, как стреноженные стрелки,
По кругу ходит, там любой вопрос
В реальности покажется безделкой.
«На склоне лет...» Высок ли этот склон?
Зажмурившись, стою и жду ответа:
Случилась жизнь моя, иль это сон,
Земного продолжение рассвета?
Я помню всё. Стараюсь не остыть
Умом и сердцем, и душою зрячей,
Но, как порою хочется забыть
Мой взрослый сон, где время шло иначе.
С рождения несовместима ложь
С моею группой крови голубою,
А мирный день на год войны похож,
Где снова бой веду сама с собою...
Из-за тумана показался крест,
Взошедшим солнцем жарко позлащённый,
Благословенный, словно Божий перст,
Создавший эти видимые склоны
И облаков блуждающих стада
Над поймою речною в блеске дивном,
Любовь, что не прервётся никогда,
И вод святых живительные ливни...
А звон всё нарастает, шум берёз
Ему аккомпанирует приветно, —
Предтече шумных августовских гроз —
Дню Ильину. И как-то незаметно
Подкрался лета душного конец,
Моя земля вздохнула с облегченьем,
Плодоносящий на чело венец
Вновь водрузив. В своём круговращенье
Она весь цикл пройдёт ещё не раз
От бурных вёсен до осенних жалоб,
Расцвечивая красочный рассказ
Об этих вехах всем, чего желала б,
И всем, чего ждала в своей глубине

Невидимо и недоступно глазу,
Чтоб, разгулявшись, в гневе погубить
Род человеческий. Нет, не вдруг, не сразу,
Но постепенно приближая час,
Когда мы, заживевшие от лени,
Не слышащие больше Божий глас,
Презреем жизнь во славу поколений.

...

Как колесница под рукой пророка,
Гремят громы, раскатывая ширь,
Кричит на липе мокрая сорока,
Благовестит на горке монастырь.
На Войнинге купальни опустели,
Качает дождь кувшинки в рукавах,
Малиновки – лесные менестрели
Чирикают в ракитовых кустах.
Откуда грусть на праздник дождевая?
Лисички разбежались из-под ног...
Великий день от края и до края
Наполнил смыслом видимый чертог.
Олень рога купает, на осоке
Застыли стайки резвые стрекоз,
Густеет вечер синий на востоке,
Готовясь к ночи, зреет время гроз.
За сполохами сполох, – вот веселье,
Чего грустить, печалиться, когда
Илья пророк справляет новоселье,
Кропит простор небесная вода!
Но я грущу, и мысли вновь печальны,
В моей судьбе от недочётов ночь.
Пусть вспомнят обо мне в пределах дальних...
Но только я смогу себе помочь.

...

Чего желать? Мне нечего желать.
Всё совершилось, всё идёт к итогу.
Лишь от земли мне глаз не оторвать —
Творения, что так любезно Богу.
От горечи мне трудно отойти, —
За что пытаются люди плоть земную
И что оставят ей в конце пути,
И отчего их это не волнует?!
Вокруг краса, щемящая до слёз,
А все несут ей лишь свои отходы
И в неумолчном шёпоте берёз
Вершат свои бессмысленные годы.

И каждый день нас приближает всех
К ответу, что до боли неизбежен.
Земной успех – всего лишь горький смех.
Успех небесный – тем, кто здесь отвержен,
Не наследил неправдою и злом,
Кто не вредил ничем земному лону...
Ведь гром небесный нынче поделом
Сопутствует серебряному звону.

...

Утешатся все плачущие Там,
Насытятся все алчущие истин,
Приимет их Господь Великий Сам,
Как винограда вызревшего кисти.

«А я-то думала вчера, что больше снега не увижу!»

А я-то думала вчера, что больше снега не увижу!
И стали почки набухать от неподдельного тепла...
Всю ночь буянили ветра, и холод подступал всё ближе,
К утру заботливо метель снегами дали замела.

Своей уютной белизной, своею ласкою пуховой
Мой окружила дом она – последний бережный приют.
Я на снега во все глаза смотрю, как нищий на обновы,
И тихо радуюсь в душе, где вихри белые снуют.

Привет, привет тебе, январь, суровый сказочник предгорий,
Мой незатейливый баюн, мой горностаевый мудрец!
Ты похоронишь подо льдом своих объятий даже горе,
Надев на мёртвенную ширь свой белый царственный венец.

«Гром катает камни за пригорком...»

Гром катает камни за пригорком,
Высекает искры до небес.
Дождик вспрыгнул лесу на закорки,
Тот его попробовал на вес...
И застыла корка ледяная
Паутиной вязью хрусталя,
Лунный свет сквозь ветви пропуская
И хвоинки бликами паля...

Начались к зиме метаморфозы,
Волшебством подпитывая дней
И ночей то слякоть, то морозы,
То души рассудочность моей.
Я стою столбом заворожённо
И на Божий мир вокруг смотрю,
Будто отщепенец прокажённый,
Красоту несметную корю,
От чего вовек не оторваться, —
Каждый миг приносит свой расклад...
Мне ль тебя, неистовый, бояться
Грозовой ноябрьский камнепад!
Пошуми, поклацай, побеснуйся,
Это твой последний адов круг...
Вдарь-ка посильнее, не тушуйся,
Вдруг возьмёшь кого-то на испуг!
Вдруг кого-то ввергнешь в изумленье,
Кто в доме застынет сам не свой?
Ну, а я развеяла томленье
Чувств своих и радуюсь с тобой.
Я ещё не так могу яриться
И громы, и молнии метать, —
Никому из смертных не приснится,
Лучше бы тебе о том не знать!
Но исподтишка не стану рваться,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.